Аверьянов К. А.

О СТЕПЕНИ ДОСТОВЕРНОСТИ «ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО»

Одной из крупнейших фигур отечественной истории XIV в. является игумен Троице-Сергиева монастыря Сергий Радонежский. По подсчетам В. А. Кучкина, в распоряжении исследователей имеется 12 упоминаний о Сергии в летописях и 7 документов, где прямо или косвенно называется троицкий настоятель[1]. Если вспомнить, что многие из русских князей того времени упоминаются летописцем 1–2 раза, становится понятным, что еще при жизни он привлекал пристальное внимание современников. Однако, несмотря на это, составить последовательную биографию Сергия на основе только этих источников не представляется возможным, поскольку они относятся главным образом к последним годам жизни будущего святого и практически ничего не говорят о его юности и начале духовной карьеры.

Поэтому историк для характеристики личности Сергия должен обратиться к его «Житию». Данный памятник известен исследователям очень давно, однако пользоваться им долгое время было затруднительно ввиду того, что на протяжении столетий жизнеописание самого почитаемого на Руси святого неоднократно перерабатывалось, исправлялось, в него вносились порой малодостоверные сведения. В результате этого в нем появлялись явные ошибки и неточности. Плодом этого явилось то, что в научной и популярной литературе приводятся различные даты основных вех его жизни. Так, появление Сергия на свет датировалось временем от 1313 до 1322 г., основание им Троицкого монастыря определялось промежутком между 1337

и 1345 гг. Неясно было даже то, сколько лет прожил Сергий (70 или 78), а отсюда разной оказывалась дата его кончины (1391, 1392 или даже 1397 г.) Эти несоответствия отмечали уже младшие современники Сергия. Не зря в некоторых списках его «Жития» не упоминается возраст, в котором он умер, если говорится о времени его рождения, и наоборот[2].

Неудивительно, что перед исследователями встала задача выделить из множества дошедших списков «Жития» наиболее ранние, а следовательно, наиболее достоверные. Ее удалось успешно решить Б. М. Клоссу. Выявив более 400 рукописей, содержащих «Житие» Сергия, он сравнил списки, определил редакции и дал картину их сменяемости. Благодаря этому историки получили возможность восстанавливать биографию Сергия не по случайно набранным фактам из разных переделок его «Жития», а на основании наиболее надежных сведений, содержащихся в древнейших редакциях[3].

Из анализа, проделанного Б. М. Клоссом, выяснилось, что первоначальная редакция памятника была составлена Епифанием Премудрым в 1418 г., спустя более четверти века после кончины Сергия[4]. Важно отметить ту тщательность, с которой Епифаний работал над «Житием». Хотя он знал Сергия не понаслышке, будучи иноком обители еще при самом преподобном, при создании жизнеописания он опирался не только на собственные воспоминания. Осознавая все значение фигуры Сергия, он стремился донести до потомства даже малейшие детали из жизни того, кого уже начинали почитать святым. Для этого он расспрашивал старшего брата Сергия Стефана, собирал сведения о нем от Сергиева келейника, выпытывал подробности у старцев обители «самовидцев» троицкого игумена. Эта работа, по собственному признанию Епифания, заняла у него более двух десятилетий[5], но в итоге тщательной перепроверки всех свидетельств очевидцев было создано жизнеописание Сергия.

Насколько оно точно? Тот факт, что первым биографом Сергия были использованы в основном, если не исключительно, лишь устные рассказы современников, наложил известный отпечаток на само «Житие». В нем мы не встретим точных дат с указанием того или иного года, имеется лишь последовательная

смена эпизодов биографии Сергия, когда можно твердо говорить только о том, что данное событие в его жизни произошло раньше или позже того или иного. Подобная особенность характерна для всех мемуаров, написанных по устным рассказам, а не только для данного памятника. Как правило, рассказчики предпочитают излагать общий ход событий, а не указывать ту или иную конкретную дату. Такова особенность человеческой памяти, и с этим надо считаться.

Когда позднейшие историки стали восстанавливать хронологию жизни Сергия, именно это обстоятельство привело к разногласиям в определении точных дат тех или иных событий, в зависимости от того, как датировались ими предшествующие. Тем не менее, в руках у исследователя имеется возможность установить действительную хронологическую шкалу почти всех важнейших фактов биографии Сергия. Это происходит благодаря тому, что рассказчик на вопрос слушателя — когда произошло то или иное событие? — обычно приурочивает его к другому, более заметному, дату которого нетрудно выяснить из летописей или других источников. Не являлись исключением из этого правила и собеседники Епифания. Именно это обстоятельство и позволяет решить вопрос о степени достоверности составленного им «Жития».

Уточняя дату рождения Сергия, Епифаний выяснил, что это событие произошло «въ княжение великое тферьское при великом князе Димитрии Михаиловиче, при архиепископе пресвященнем Петре, митрополите всеа Руси», в год, когда была «рать Ахмулова»[6]. Речь, в данном случае, идет о нападении на русские земли татарской рати под предводительством Ахмыла. Судя по летописям, оно имело место в 1322 г.[7] Как указал В. А. Кучкин, эта же дата получается и при ином расчете. Точная дата смерти Сергия — 25 сентября 1392 г. содержится в Троицкой летописи[8] Согласно «Похвальному слову Сергию», написанному тем же Епифанием Премудрым, Сергий жил 70 лет[9] Путем вычитания этой цифры из даты кончины также выводится 1322 г.[10]

Из дальнейшего рассказа «Жития» становится известным, что семи лет от роду мальчика отдали учиться грамоте, но она давалась ему крайне трудно, его наказывали и паренек неоднократно обращался в молитвах к Богу с просьбой помочь ему вы-

учиться грамоте. В итоге все это привело к развитию ранней религиозности у подростка, и, когда ему не было еще 12 лет, мать попрекала его за излишнее молитвенное рвение: «И двою на десять не имаши лет, грехи поминаеши. Кыа же имаши грехы?» [11] Так проходило в пределах Ростовского княжества детство будущего святого. Зная дату рождения Сергия, нетрудно выяснить, что последний эпизод относится к 1334 г.

Но позднее, судя по «Житию», произошли события, заставившие семью навсегда покинуть родные пределы. Его отец Кирилл, будучи когда-то богатым человеком, «напослед на старость обнища и оскуде». Виной разорения семьи, как пишет Епифаний, стали частые «хоженья» с князем в Орду, где необходимо было раздавать щедрые подарки хану и ордынским вельможам, нередкие татарские послы, которых надо было принимать и кормить вместе с их многочисленной свитой, тяжкие «дани и выходы», которые нужно было платить в Орду. Ситуацию усугубляли неоднократные «рати татарские», накатывавшиеся на Ростовскую землю, и, наконец, частые «глады хлебные» [12].

Начало оскудения семьи ростовского боярина Епифаний относит ко времени «егда бысть великаа рать татарьская, глаголемаа Федорчюкова Туралыкова, егда по ней за год единъ наста насилование, сиречь княжение великое досталося князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталося княжение Ростовьское к Москве». Затем, по велению великого князя, в Ростов приехали московский воевода «именем Василий, прозвище Кочева, и с нимъ Мина». Их пребывание в Ростове сопровождалось многочисленными издевательствами и насилием со стороны москвичей — многих ростовчан ограбили, изранили и изувечили. «И бысть страх великъ на всех слышащих и видящих сия, не токмо в граде Ростове, но и въ всех пределех его». В этих условиях Кирилл, не дожидаясь худшего, счел за благо покинуть Ростовское княжество и переселиться в более безопасный Радонеж [13]

Когда произошло переселение семьи? Поскольку данное событие стало переломным в жизни Сергия, его датировка явилась предметом особого внимания историков. В частности, это попытался сделать В. А. Кучкин. Самым легким оказывается определение времени татарской рати.

После известного восстания 15 августа 1327 г. в Твери, хан Узбек вызвал к себе злейшего противника тверских князей Ивана Калиту и приказал ему наказать тверичей. Из Орды московский князь возвратился с татарским войском и направился на Тверь, «а с нимъ 5 темниковъ, великихъ князей, Федорчукъ, Туралыкъ, Сюга, и прочии». Чуть позже к ним присоединился князь Александр Васильевич Суздальский[14]. По расчету В. А. Кучкина, разгром Твери происходил зимой 1327–1328 гг. В благодарность за подавление восстания хан в 1328 г. разделил Владимирское великое княжение между русскими князьями, участвовавшими в этой экспедиции, — Иваном Калитой и Александром Суздальским. После смерти последнего в 1332 г. под управление Калиты перешла и вторая часть великого княжения. Именно к этому году и отнес В. А. Кучкин переезд семьи. При этом он обратил внимание на то, что, по Епифанию, одной из причин ухода Кирилла в Радонеж стали «глады хлебные». Между тем, по наблюдениям историка, за все время княжения Ивана Калиты летописи лишь единственный раз упоминают о голоде — и это тоже 1332 г.[15] Таким образом оказывается, что сын Кирилла покинул Ростов в сравнительно юном возрасте — всего лишь 10 лет от роду[16].

При всей кажущейся проработке этой версии, она не выдерживает критики. Б. М. Клосс отметил, что согласно тексту «Жития» упреки матери 12-летнему сыну в излишней набожности относятся еще к ростовскому периоду жизни семьи. Отнеся это событие к 1334 г., можно утверждать, что ранее этой даты семейство Кирилла еще не покинуло пределов Ростовского княжества[17] От себя добавим, что весьма сомнительной оказывается и привязка переселения к голодному 1332 г., ибо в «Житии» недвусмысленно говорится о «частых гладах хлебных». К тому же вызывает сомнение и то, что Кирилл, спасаясь от московского «насильства» со стороны Ивана Калиты, решает добровольно вместе с семьей переселиться во владения именно этого, а не какого-либо другого князя, что выглядело бы более естественным.

Все это заставляет искать либо ошибку историка в определении даты переезда семьи, либо предположить, что составленное Епифанием «Житие», основанное на позднейших рас-

сказах, является источником малодостоверным и содержащим ошибочные факты.

Склониться ко второй точке зрения, на первый взгляд, заставляет одно место «Жития». Кирилл переселился на новое место не один: «с ним и инии мнози преселишася от Ростова... в Радонежь, ю же даде князь великы сынове своему мезиному князю Андрею. А наместника постави въ ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова и ослабу обещася тако же велику дати»[18].

Б. М. Клосс, анализируя данное место «Жития», обратил внимание на одно противоречие. Радонеж никак не мог принадлежать младшему сыну Калиты Андрею. До нас дошла, причем в подлиннике, вторая духовная грамота Ивана Калиты, составленная в 1339 г. Согласно этому документу, московский князь разделил все владения между наследниками, в числе которых видим и Андрея, но при этом Радонеж пришелся на долю второй жены Калиты Ульяны «с меншими детми»[19] Ульяна пережила своего мужа приблизительно на 30 лет, и лишь после ее смерти ее владения были поделены уже между внуками Калиты — великим князем Дмитрием (будущим Донским) и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, причем Радонеж достался князю Владимиру. По мнению Б. М. Клосса, это произошло около 1374 г. — об этом свидетельствует упоминание о разделе бывшего «княгинина оудела Оульянинина» в составленном приблизительно в это время докончании Дмитрия и Владимира Андреевича[20]. Отсюда исследователь сделал вывод, что агиограф напрасно решил, что Радонеж достался младшему сыну Калиты — князю Андрею Ивановичу[21]

Таким образом, перед исследователем встает дилемма. Если предположить, что Радонеж достался серпуховским князьям лишь начиная с Владимира Андреевича, о чем вроде бы свидетельствуют княжеские духовные и договорные грамоты, оказывается, что «Житие», составленное Епифанием, уже с момента своего создания является источником крайне ненадежным, содержащим ошибки и неточности. Но, зная тщательность проработки Епифанием всех, даже мельчайших, эпизодов жизни Сергия, можно предположить и обратное. За это говорит его точность в изложении деталей, к примеру, той, что наместни-

ком князя Андрея в Радонеже являлся некий Терентий Ртище – подробность, которая не несет никакой идеологической нагрузки и которую трудно было выдумать. Епифаний указывает, что Кирилл переселился в Радонеж не один, сообщая при этом имена других ростовчан, последовавших за ним. С некоторыми из них агиограф явно встречался и беседовал (об этом говорит фраза «Онисима же глаголют...»[22]), и все они единогласно утверждали, что Радонеж во время переселения семейства Кирилла принадлежал не Ульяне, а младшему сыну Калиты.

Но, приняв эту позицию и предположив, что Радонеж являлся собственностью уже князя Андрея Ивановича, мы вступаем в противоречие с духовной грамотой Ивана Калиты, согласно которой Радонеж был завещан его второй супруге. Поскольку Ульяна скончалась на рубеже 60–70 гг. XIV в., а Андрей в 1353 г., становится понятным, что последний никак не мог владеть этой волостью[23]

И все же указанную проблему возможно решить. Для этого следует обратиться еще к одному источнику – завещанию 1353 г. старшего сына Калиты великого князя Семена Гордого. В нем, перечисляя свои владения, он упоминает среди прочих и село Деигунинськое (ныне Дегунино, район на севере Москвы)[24] Для нас интересно то, что согласно завещанию Калиты, оно выделялось Ульяне[25]. Но каким образом это село еще при жизни княгини оказалось в руках ее пасынка? Возможно предположить, что аналогичным образом из рук Ульяны другому сыну Калиты перешел и Радонеж.

Ответ на этот вопрос станет очевидным, если вспомнить, что и Деигунинськое, и Радонеж, и другие владения выделялись Калитой не единолично Ульяне, а вместе «с меншими детми». В своем завещании московский князь пояснял, что речь шла о двух его дочерях от второго брака – Марии и Феодосии[26]. Личность последней хорошо известна. Впоследствии она вышла замуж за князя Федора Романовича Белозерского и была в живых еще в 1389 г., когда ее имя встречается в завещании Дмитрия Донского[27] Что же касается другой дочери Калиты – Марии, то кроме упоминания в духовной грамоте своего отца, сведений о ней более не встречается.

Тем не менее, у нас все же имеется возможность хотя бы приблизительно установить дату ее кончины. В завещании Ивана Красного читаем фразу: «А что волости за княгиню за Оульяною, ис тых волостии по ее животе дети мои дадут дчери ее Сурожик, село Лучиньское»[28]. Из того, что в данном источнике речь идет только об одной дочери Ульяны, становится понятным, что ею являлась Феодосия, а Марии к этому времени уже не было в живых. По тогдашнему обычаю выморочное имущество, приходившееся на долю умершей дочери Калиты, должно было быть выделено из всего комплекса владений Ульяны и поделено между оставшимися наследниками московского князя. Тот факт, что одно из сел, ранее принадлежавших Ульяне, упоминается в завещании Семена Гордого 1353 г. также свидетельствует о ранней кончине Марии.

Вполне оправданным будет предположение, что раздел доли Марии должен был быть оформлен специальным соглашением между князьями. Действительно, до нас дошел, хотя и с множеством лакун, договор Семена Гордого с братьями. Хотя он решал целый комплекс взаимных отношений между сыновьями Калиты, можно предположить, что одним из поводов для его составления послужила необходимость раздела земель, приходившихся на долю скончавшейся к тому времени младшей дочери Калиты. Об этом, в частности, свидетельствует та его статья, согласно которой между Семеном, Иваном и Андреем делятся шесть сел, которые, вероятно, и представляли собой долю Марии[29]

Но из завещания Калиты известно, что помимо сел Ульяне были выделены и волости. Поэтому возможно полагать, что в несохранившейся до наших дней части договора говорилось не только о разделе сел части удела Ульяны, приходившейся на долю Марии, но и волостей. Если это так, то становится понятным, что Епифаний не ошибался, когда говорил о том, что ростовский боярин переселился с родичами именно во владения младшего сына Калиты Андрея.

Отсюда вытекает основной вывод Сергий появился в Радонеже не в ранней юности (1332 г.), как полагает В. А. Кучкин, а во времена княжения Семена Гордого, уже достаточно взрослым и сформировавшимся человеком, после того

как согласно заключенному между братьями договору Радонеж достался младшему из них — Андрею. Тем самым снимается отмеченное Б. М. Клоссом противоречие «Жития», согласно которому еще в 1334 г. семья Кирилла проживала в Ростовском княжестве.

Не менее важным представляется и другой вывод — «Житие» Сергия, составленное Епифанием, является уникальным для XV в. по своей точности источником, в чем нам еще не раз придется убедиться. Поскольку в наших руках оказывается замечательный по надежности компас, тем самым в значительной мере облегчается и главная задача данного исследования — установление точных хронологических привязок основных этапов биографии будущего святого вплоть до принятия им монашества.

Что же непосредственно подтолкнуло Кирилла переселиться со всей семьей в Радонеж? На этот вопрос Епифаний дает четкий ответ: прибытие в Ростов Василия Кочевы и Мины, которые «възложиста велику нужу на градъ да и на вся живущаа в нем» Но когда это произошло?

Для этого необходимо обратиться к анализу событий, происшедших на Руси после того, как 31 марта 1340 г. умер великий князь Иван Данилович Калита. Поскольку получение великокняжеского стола требовало утверждения со стороны хана, 2 мая 1340 г. старший сын Калиты Семен вместе с братьями отправился в Орду. Но задача оказалась не из легких. Одновременно с московскими князьями в Орде оказались Василий Ярославский, Константин Тверской, Константин Суздальский и «прочии князи русстии» и Семену, очевидно, пришлось оспаривать свое право на великое княжение в борьбе с другими претендентами. Об этом говорит его растянувшееся пребывание в Орде. На Русь он возвратился только осенью, и 1 октября 1340 г. был торжественно посажен во Владимире на «великомъ княжении всея Руси»

Судя по тогдашней практике, получение ханского ярлыка на великое княжение потребовало от Семена огромных денежных затрат. В Орде он, очевидно, влез в долги и сразу после вокняжения на владимирском столе вынужден был приступить к их возвращению, при этом явно не выбирая методов и средств.

Согласно летописи, одним из первых пострадал Торжок: «Тоя же осени князь велики Семенъ Ивановичь посла въ Торжекъ бояръ дани брати, и начаша силно деяти». Поскольку Торжок находился в совместной юрисдикции Новгорода и Москвы, новоторжцы послали «с поклономъ в Новъгород», откуда в Москву прибыло посольство со словами: «еще, господине, на столе в Новегороде еси не селъ, а уже бояре твои силно деють»

Можно предположить, что одновременно с Торжком добные экспедиции для выколачивания денег были посланы и в другие города, подвластные Москве, в том числе и в Ростов, куда направились Василий Кочева и Мина, о чем упоминается в «Житии» Сергия. В литературе, исходя из предположения, что переезд семьи Кирилла состоялся в 1330-е гг., данную экспедицию обычно относили ко времени Ивана Калиты. Ныне же, выяснив, что переселение ростовского боярина состоялось при Семене Гордом, и связав ее с аналогичными событиями в Торжке, ростовские события следует датировать тем же временем, что и посылку московских бояр для сбора дани в Торжок, — поздней осенью 1340 г. При этом отметим точность Епифания в изложении событий. Исследователи, читая фразу агиографа: «Егда изиде по великого князя велению и послан бысть от Москвы на Ростовъ акы некый воевода единъ от велможъ, именем Василий, прозвище Кочева, и с нимъ Мина»[34], как было уже сказано, подразумевали под великим князем Ивана Калиту. Но у Епифания о имени великого князя ничего не говорится.

Экспедиция москвичей осенью 1340 г. и связанные с ней различные поборы в итоге заставили семью ростовского боярина искать новых мест для привычной спокойной жизни. Выбор их пал на Радонеж, оказавшийся в руках младшего брата Семена Гордого Андрея.

Еще одним показателем точности Епифания является место «Жития», сообщающее, что переселенцы из Ростова «пришеша въ тую же весь, глаголемую Радонежь, ю же даде князь великы сынови своему мезиному князю Андрею» Казалось бы, в качестве великого князя упоминается Иван Калита, но, если вспомнить, что по договору Семена Гордого с братьями последние обязывались «чтить» великого князя «въ отцево место» .

у нас появляется еще один довод в пользу точности и выверенности теста Епифания.

Оказывается точным Епифаний и в той детали, что переселение Кирилла было связано и с «чястыми глады хлебными» Если обратиться к хронике природных явлений, то помимо отмеченного В. А. Кучкиным голода 1332 г., якобы единственного за все время княжения Ивана Калиты, в летописях можно найти другие подобные случаи. Летописец под 1330 г. отмечает: «того же лета бысть сухмень велика» Под 1337 г. зафиксировано: «тое же осени бысть поводь велика» Понятно, что эти природные аномалии не могли не привести к гибели значительной части урожая. При этом летописец, судя по всему, отметил далеко не все из них[40]

Поскольку Радонеж стал владением князя Андрея только после заключения договора Семена Гордого с братьями, становится понятным, что дальнейшим этапом нашего исследования должно явиться определение даты составления этого документа, ибо в литературе на этот счет имеются серьезные разногласия.

В дореволюционной историографии он обычно датировался 1340 или 1341 г., смотря по тому, к какому из этих годов историки относили смерть Ивана Калиты (он скончался 31 марта 1340 г., но из-за сбивчивости хронологии некоторые летописи относили это событие к 1340 г., тогда, как другие – к 1341 г.). Подобная датировка грамоты основывалась на фразе соглашения, о том, что князья «целовали есмы межи собе крестъ оу отня гроба»[41] Во второй половине XX в. в литературе появились иные датировки этого источника. Так, Л. В. Черепнин доказывал, что выражение «оу отня гроба» является не прямым указанием, что братья приносили клятву непосредственно у могилы отца, а просто символической фразой, которой высказывалось «уважение к памяти покойного московского князя Ивана Даниловича Калиты». Это представляется тем более обоснованным, поскольку нам известно, что Семена Гордого не было на похоронах отца – в этот момент он находился в Нижнем Новгороде. При этом Л. В. Черепнин полагал, что соглашение было заключено в конце княжения Семена – в 1350–1351 гг.[42] Примерно к этим же выводам пришел и А. А. Зимин, предложивший датировать до-

кончание концом 1340-х гг. (до зимы 1350/51 г.)[43]. Последним по этому поводу высказался В. А. Кучкин. Он обратил внимание на то, что, несмотря на дефектность текста, в докончании сохранилась статья, согласно которой Семен в случае смерти младших братьев должен был позаботиться об их женах и детях, не лишать их земельных владений и не посягать на служивших им бояр: «...(ко)го из нас Богъ отъведет, печаловати(ся княгинею его и) детми, как при ж(ивоте, так и по жив)оте, а не (обидети тобе, ни) имати ничего ото княгини и отъ детии, чимъ ны (кого благословилъ отецъ нашъ по ро)зделу. (А по животе кто из бо)яръ и слугъ иметь служити у наших княгинь (и у детии..., нелюбья не) держати, (ни посягати) без исправы, но блюсти, как и своих»[44]. По мнению исследователя, этот пункт мог появиться только после того, как женился младший из братьев Андрей (это произошло летом 1345 г.) и у него появились дети, т. е. не ранее весны 1346 г.

Особое внимание в грамоте уделялось «коромоле» боярина Алексея Петровича Хвоста. В чем она заключалась, из текста соглашения неясно, однако в нем имеется пункт, что братья не должны принимать его в службу. Также выясняется, что имущество опального боярина было конфисковано великим князем и часть его получил средний брат Иван. Младшему же Андрею из имущества Алексея Хвоста ничего не досталось[45] Между тем, из летописи известно, что весной 1347 г. Алексей Хвост ездил в числе сватов в Тверь за невестой для великого князя[46] Поручение это было достаточно важным, и, на взгляд историка, его невозможно было поручить опальному боярину. Тем самым «коромола» Алексея Петровича по отношению к великому князю относится к более позднему времени или, иными словами, произошла после 1347 г. В этом В. А. Кучкина убедило упоминание в завещании Семена Гордого 1353 г. среди прочих села Хвостовского на Клязьме, очевидно ранее конфискованного у Алексея Хвоста[47] Отсюда, по его мнению, вытекает, что опала на него продолжалась вплоть до конца жизни Семена Гордого и только после того, как великим князем стал Иван Красный, опала с боярина была снята и он получил должность московского тысяцкого.

Определяя время заключения договора, В. А. Кучкин полагает, что он был составлен весной – летом 1348 г. Основанием для этого послужило то, что под 1348 г. летописи сообщают о приходе из Орды великого князя Семена и добавляют: «а съ нимъ брать его князь Андреи»[48]. В известии отсутствует имя среднего из братьев – Ивана, который, по мысли историка, поддерживал крамольного боярина (не случайно тот именно при нем стал московским тысяцким). Но конфликт между братьями, вызванный на взгляд В. А. Кучкина, противодействием митрополита Феогноста по поводу беззаконного с церковной точки зрения третьего брака Семена, был вскоре исчерпан, и в том же году, как свидетельствует летопись, «князь великий Семенъ, погадавъ съ своею братиею съ княземъ Иваномъ и Андреемъ и съ бояры», отправил послов в Орду[49] Тем самым между ними были восстановлены мир и согласие[50]

Поскольку данная датировка договора Семена Гордого с братьями вступает в полное противоречие с известными нам по «Житию» Сергия фактами его биографии, следует более тщательно посмотреть на аргументы, которыми оперирует В. А. Кучкин, датируя это соглашение 1348 г.

Первый из доводов исследователя, что соглашение могло быть составлено не ранее весны 1346 г., когда у младшего из братьев могли появиться дети, не может быть принят. Данную статью следует рассматривать не как признание реальной действительности, а всего лишь как констатацию возможных взаимных обязательств в случае появления детей. Это доказывается, в частности, тем, что вплоть до конца 1347 г. у Семена не было наследника. Его старший сын Василий родился 12 апреля 1337 г. и умер в 1338 г., еще в княжение Ивана Калиты. Следующий сын Константин родился в 1341 г. и прожил только один день. От второго брака детей у Семена не было, и лишь после свадьбы с тверской княжной у него 15 декабря 1347 г. появился долгожданный ребенок, названный в честь деда Даниилом[51]

Весьма спорным оказывается тезис о конфликте между братьями в 1348 г. Летописный материал за 1347–1353 гг., как признает сам В. А. Кучкин, показывает, что братья действовали сообща. Что касается князя Ивана, то большую часть 1347 г. и все начало следующего 1348 г. он, по распоряжению своего

старшего брата, находился в Новгороде[52] и поэтому физически не мог сопровождать его в Орду.

Вызывает сомнение и тесная связь Алексея Петровича Хвоста в середине 1340-х гг. со средним из братьев — князем Иваном. Тот факт, что имущество опального боярина было распределено между Семеном Гордым и Иваном, причем на долю Андрея не досталось ничего, со всей очевидностью говорит о тесных связях Алексея Петровича как раз с последним.

Сближение Алексея Хвоста с князем Иваном Красным, о котором говорит В. А. Кучкин, состоялось много позже в середине 1350-х гг., когда после смерти своего старшего брата удельный звенигородский князь волей случая оказался на великокняжеском столе. Московское боярство настороженно встретило его, и тот, не чувствуя поддержки с этой стороны, вынужден был опираться на всякого, кто мог бы предложить ему хоть какое-то содействие.

Таким образом, доводы В. А. Кучкина, датировавшего этот документ 1348 г., не могут быть приняты, а следовательно, снова встает вопрос о времени его создания.

Поскольку в тексте соглашения Семен Гордый упоминается как «князь великий... всеа Руси»[53], становится ясным, что документ мог быть составлен только после занятия им великокняжеского стола, на который он был посажен 1 октября 1340 г.

Другим датирующим признаком грамоты, как справедливо признавали предшествующие исследователи, является упоминание опалы Алексея Петровича Хвоста, который «вшелъ в коромолу к великому князю»[55] Выше мы уже отмечали, что из текста грамоты, согласно которой конфискованное имущество боярина было поделено между старшими братьями, тогда как на долю младшего не пришлось ничего, вполне логично сделать вывод о тесных связях Хвоста именно с последним. Тем самым становится очевидным, что Алексей Хвост действовал в пользу Андрея.

Ранее говорилось о том, что из текста соглашения неясно — в чем заключалась «вина» боярина. Тем не менее, у нас имеются на этот счет определенные предположения. Как известно, младший сын Калиты родился 4 июля 1327 г. , и на момент смерти отца ему не исполнилось еще 13 лет. Понятно, что вплоть до

своего совершеннолетия серпуховской князь представлял собой достаточно номинальную фигуру и находился под полным влиянием старшего брата. Можно думать, что, когда осенью 1340 г. Семен Гордый вернулся на Русь и стал лихорадочно собирать деньги, экспедиция, аналогичная той, что были посланы в Торжок и Ростов, направилась и в Серпуховской удел. Здесь насилия и поборы москвичей также должны были встретить ожесточенное сопротивление, знаменем которого, очевидно, и стал Алексей Петрович – именно об этом свидетельствует фраза докончания: «А что Олексе Петрович вшелъ в коромолу к великому князю»

Логично предположить, что действия боярина в пользу князя Андрея должны были вызвать определенное охлаждение между младшим и старшим братом. Обратившись к летописям, увидим, что на протяжении всего княжения Семена Гордого его младший брат не выходил из-под его власти – они вместе ездят в Орду, участвуют в делах государственного управления, даже одновременно женятся одним и тем же летом 1345 г.[58] Подобная идиллия была нарушена всего один раз – зимой 1340/1341 г.

После описания вышеупомянутых событий в Торжке осенью 1340 г. летописец продолжает: «Тое же зимы бысть великъ съезд на Москве всемъ княземь русскымъ, и поиде ратью к Торжьку князь великий Семенъ, а с нимъ братъ его князь Иванъ Ивановичь, князь Костянтинъ Суждальскыи, князь Костянтинъ Ростовскыи, князь Василеи Ярославскыи, и вси князи с ними, и пресвященныи Феогностъ, митрополитъ всеа Руси, с ними же»[59] Весьма знаменательным представляется то, что в перечне князей, пошедших вместе с Семеном, отсутствует имя князя Андрея.

Тем самым подтверждается мнение А. Е. Преснякова, считавшего, что составление договора между Калитовичами произошло «в ту же пору», что и съезд русских князей в Москве[60] Правда, относя данное соглашение к 1341 г., следует учитывать при этом, что оно было заключено видимо все же несколько позднее съезда – очевидно сразу после того, как Семен с победой возвратился в Москву. Что же касается дальнейшей судьбы крамольного боярина, то, как показывает летописное известие 1347 г., через несколько лет Алексею Петровичу удалось вернуть

доверие великого князя и в дальнейшем он участвовал в организации его брака с тверской княжной.

Определив время заключения договора сыновей Ивана Калиты 1341 г., мы можем более уверенно говорить о том, что к этому же году следует относить и переселение семьи ростовского боярина в Радонеж. При этом отметим еще раз точность показаний Епифания. Говоря об одном из переселенцев — Онисиме, приходившемся дядей преподобному, агиограф добавляет: «Онисима же глаголют с Протасием тысяцкым пришедша въ тую же весь»[61] Как известно, Протасий являлся родоначальником московских бояр Вельяминовых, занимавших в XIV в. на протяжении нескольких поколений важнейшую должность великокняжеских тысяцких. Однако что мог делать великокняжеский боярин во владениях удельного князя? Но, если вспомнить о том, что князь Андрей в это время был еще несовершеннолетним и фактически за него управляли бояре его старшего брата, у нас появляется еще один довод в пользу достоверности сведений Епифания.

Дальнейший рассказ «Жития» описывает следующие события. Сразу после переезда старшие сыновья Кирилла — Стефан и Петр женились. Что касается третьего, он «не въсхоте женитися, но и зело желаше въ иночьское житие»[62]. Об этом он просил своего отца, но тот вместе с матерью ему отказывал, говоря, что свое желание он сможет исполнить только после их смерти: «Егда нас гробу предаси и землею погребеши, тогда и свое хотение исполниши». Вскоре родители постриглись в монахи мало поживша лет в черньчестве, преставистася от жития сего, отъидоста к Богу[63]

Будущего святого после смерти отца и матери уже ничего не удерживало в мирской жизни, и он «начя упражнятися от житейскых печалей мира сего»[64]. Тем временем старшего брата Стефана постигло несчастье — его жена умерла, оставив ему двух малолетних сыновей. Стефан не вынес удара судьбы и через некоторое время постригся в монахи Хотьковского монастыря. Эти перемены в судьбе брата, очевидно, показались Сергию самым удобным моментом для того, чтобы начать монашескую жизнь и тем самым поддержать брата. Предварительно отдав остававшееся у него родительское имущество другому брату

Петру, он пришел к Стефану, надеясь уговорить его совместно начать иноческий подвиг.

Вероятно, особо уговаривать его не пришлось, и вскоре братья отправились искать подходящее место для устройства пустыни. Найдя его, они срубили здесь келью и небольшую церковь во имя святой Троицы, которую освятили приехавшие «из града от митрополита Феогноста священницы»[65]. По расчету Епифания, все эти события происходили «при великом князи Симеоне Ивановиче; мню убо, еже рещи въ начало княжениа его»[66].

Но довольно быстро Стефану пустынническая жизнь показалась слишком трудной: «и видя труд пустынный, житие скръбно, житие жестко, отвсюду теснота, отвсюду недостатки, ни имущим ниоткуду ни ястьа, ни питиа, ни прочих, яже на потребу. Не бе бо ни прохода, ни приноса ниоткуду же»[67] Он покидает Радонеж и обосновывается в московском Богоявленском монастыре. В отличие от брата Сергий решился продолжить пустынническую жизнь. Однако перед ним встала определенная трудность – формально не имея духовного чина, он не мог вести службу в храме. Необходимо было искать того, кто мог бы постричь его в монахи. Поиски продолжались недолго – Сергию удалось познакомиться с Митрофаном, о котором Епифаний сообщает, что он был «саном игумена суща». Просьба постричь его в монахи не встретила возражений: «Игумен же незамедлено вниде в церковь и постриже и въ аггельскый образ». По Епифанию, данное событие произошло «меяца октовриа въ 7 день, на память святыхъ мученикь Сергиа и Вакха»[68].

К сожалению, Епифаний указывает только день и месяц пострижения Сергия, но не сообщает – в каком году. Поэтому в поисках ответа на вопрос о точной дате события историки обратились к поиску косвенных свидетельств. На первый взгляд, определение времени пострижения Сергия не представляет никаких трудностей. Казалось бы, ответ легко найти у того же Епифания. В составленном им же «Похвальном слове Сергию» имеется фраза, что святой «преставися от житиа сего лет седмидесять. Чернечествова же лет 50»[69]. Все это приводит нас к 7 октября 1342 г.

Однако этому противоречит расчет дат по «Житию» Сергия. Мы видели, что переселение семьи Кирилла состоялось лишь в 1341 г. В Радонеже старшие братья женились и у Стефана родилось двое сыновей (при этом они не были близнецами, о чем Епифаний не преминул бы сообщить). Тем самым становится понятным, что пострижение Сергия никак не могло произойти в 1342 г. Эту неувязку, очевидно, осознавали уже первые биографы преподобного, писавшие сразу после Епифания, и поэтому позднее в его оригинальный текст были добавлены слова о том, что «бе же святый тогда възрастом 23 лета, егда прият иноческыи образ» [70]. Тем самым речь должна идти о 1345 г.

Но как совместить эту дату с показанием написанного тем же Епифанием «Похвального слова Сергию», о том, что будущий святой «чернечествова» 50 лет или, иными словами, должен был принять постриг в 1342 г.? Однако никакого противоречия здесь не возникает, если вспомнить, что в церковной практике и тогда и сейчас формальному постригу всегда предшествует период послушничества. Как известно, послушниками в русских монастырях называют лиц, готовящихся к принятию монашества. Они еще не дали соответствующих обетов и хотя не называются монахами, но уже исполняют низшие церковные службы при богослужении и по монастырскому хозяйству и носят монашескую одежду, правда не в полном облачении.

Очевидно, что для Епифания важно было обозначить не формальный срок монашеской службы будущего святого, который отсчитывался с момента пострига, а фактический, т. е. включая и период послушничества. Последний следует начинать с момента смерти родителей Сергия. Указание на это видим в тексте «Жития»: «Сам же преподобный юноша зело желаше мнишескаго житиа. Вършед въ дом по преставлении родителю своею и начя упражнятися от житейскых печалей мира сего» [71]. Для нас важно то, что Епифаний именует Сергия преподобным уже в этот момент, еще до формального принятия им монашества. Таким образом, годом смерти Кирилла и его жены следует признать 1342 г.

Из анализа летописного материала оказывается возможным выяснить дату кончины жены Стефана и пострижение последнего в Хотьковском монастыре. Очевидно, эти события следу-

ет связать с той эпидемией, о которой под 1344 г. упоминает Рогожский летописец: «Того же лета бысть моръ на люди въ Тфери прыщемъ». Размах морового поветрия был настолько велик, что тверской епископ Федор должен был «створи съ игумены и съ попы и со всеми людми молитву и постъ и бысть отъ Бога пожалование, пересташетъ моръ тъи» [72].

Исходя из этого, выбор Сергием и Стефаном места для будущей обители и строительство ими небольшой церкви нужно отнести к первой половине следующего 1345 г., а освящение последней — на Троицын день, который приходился в этом году на 12 мая [73]. Пострижение Сергия игуменом Митрофаном состоялось 7 октября того же года. Тем самым уход Стефана в Богоявленский монастырь можно определить промежутком между 12 мая и 7 октября 1345 г.

Любопытно, что к этой же дате, но совершенно другим путем, пришел еще в 1958 г. И. И. Бурейченко. Для этого он использовал способ обратного отсчета — от поставления Сергия в игумены, которое датируется им 1353 г. Цепь событий от основания обители до того момента, как Сергий стал игуменом, была восстановлена в следующем виде. Согласно «Житию» Сергий прожил в одиночестве около 2—3 лет. Только после этого к нему стали собираться монашествующие. Прошло еще столько же лет, т. е. 2—3 года, прежде чем их число достигло 12. По этому поводу в «Житии» говорится, что некоторое время в монастыре требы отправляли с помощью приглашаемого со стороны священника. Наконец, в игумены был поставлен Митрофан, который когда-то постригал Сергия. Он умер, проигуменствовав не более года. «Значит приходится говорить всего лишь о 7—8 летах существования монастыря до поставления Сергия в игумены», — заключает И. И. Бурейченко и делает вывод, что обитель была основана в 1345 г. [74]

Нам остается выяснить — когда и каким образом в «Житии», написанном Епифанием, появилось уточнение о том, что в момент пострижения Сергию было 23 года. Б. М. Клосс установил, что эти слова являются вставкой из жизнеописания Сергия, составленного в середине XV в. монахом Троице-Сергиева монастыря, выходцем из Афона Пахомием Логофетом (точнее из Четвертой Пахомиевской редакции, которая, по мнению

Б. М. Клосса, была составлена в промежуток между 1443 и 1445 гг.[75]).

Для нас интересно то, что на это время как раз приходился столетний юбилей Троице-Сергиева монастыря. Пахомий, несомненно, об этом знал и высчитал, что в год основания обители Сергию было всего 23 года. Констатация данного факта привела к тому, что на полях более раннего «Жития», написанного Епифанием, появилась вставка о возрасте Сергия и тем самым уточнялась дата создания монастыря – 1345 г.

Проделанный выше анализ показал, что «Житие» Сергия Радонежского, написанное его младшим современником Епифанием Премудрым, является уникальным для своего времени источником по точности изложения и достоверности излагаемых сведений. Именно это обстоятельство позволяет уточнить датировки основных событий начала жизненного пути святого и тем самым поставить изучение его биографии на строго научную основу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 75.

[2] *Бурейченко И. И.* К вопросу о дате основания Троице-Сергиева монастыря // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 2. Загорск, 1958. С. 4.

[3] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

[4] Там же. С. 18. (Текст составленного Епифанием «Жития» Сергия опубликован на с. 285–341.)

[5] Там же. С. 286–287.

[6] Там же. С. 297.

[7] Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 89 (далее: ПСРЛ).

[8] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 440–441.

[9] *Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 278.

[10] *Кучкин В. А.* Указ. соч. С. 75–76.

[11] *Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 302.

[12] Там же. С. 303.

[13] Там же. С. 303–304.

[14] ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 168.

[15] Там же. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 46.

Кучкин В. А. Указ. соч. С. 76.

[17] *Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 28.

[18] Там же. С. 304.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 9 (далее: ДДГ).

[20] Там же. С. 23.

[21] *Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 30–32.

[22] Там же. С. 304.

В московско-серпуховском докончании, составленном около 1367 г., об Ульяне говорится еще как о живой, а в аналогичном соглашении, написанном около 1374 г., зафиксирован уже раздел ее бывших владений (ДДГ. С. 20, 23). Андрей умер 6 июня 1353 г. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 179).

[24] ДДГ. С. 14.

[25] Там же. С. 9.

[26] Там же. С. 10.

[27] Там же. С. 35.

[28] Там же. С. 16, 19.

[29] Там же. С. 11.

[30] *Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 304.

[31] ПСРЛ. Т. XXV. С. 172.

[32] Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 53.

[33] Там же. Т. XXV. С. 173.

[34] *Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 304.

[35] Там же.

ДДГ. С. 11.

[37] *Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 303.

[38] ПСРЛ. Т. X. С. 203.

[39] Там же. С. 207.

См.: *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 275–276.

[41] ДДГ. С. 11.

[42] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 20–25.

[43] *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958. С. 279–280.

[44] ДДГ. С. 12. В скобках заключен исчезнувший текст источника, восстанавливаемый по трафаретным фразам.

[45] Там же. С. 13.

[6] ПСРЛ. Т. XXV. С. 176.

[47] ДДГ. С. 14.

[48] ПСРЛ. Т. XVIII. С. 96.

[9] Там же.

Кучкин В. А. Договор Калитовичей (к датировке древнейших документов московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16–24.

[51] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 288.

[52] ПСРЛ. Т. XXV. С. 177.

[53] ДДГ. С. 11.

[54] ПСРЛ. Т. XVIII. С. 93.

[55] ДДГ. С. 13.

[56] ПСРЛ. Т. XXV. С. 168.

[57] ДДГ. С. 13.

[58] ПСРЛ. Т. XXV. С. 175.

[59] Там же. Т. XVIII. С. 93.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 162 и прим. 1.

[61] *Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 304.

[62] Там же. С. 305.

[63] Там же. С. 305–306.

[64] Там же. С. 306.

[65] Там же. С. 306–308.

[66] Там же. С. 308.

[67] Там же.

[68] Там же. С. 310.

[69] Там же. С. 278.

[70] Там же. С. 21, 310.

[71] Там же. С. 306.

[72] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 55.

[73] См.: *Степанов Н. В.* Календарно-хронологический справочник // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1917. Кн. 1(260).

[74] *Бурейченко И. И.* Указ. соч. С. 10–11.

[75] *Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 21, 171.